

Уважаемые читатели!

Книга, которую вы держите в руках, посвящена истории отечественной разведки. На протяжении всего XX века разведывательная служба была важнейшим, а подчас и единственным инструментом решения самых сложных и ответственных государственных задач.

За каждым из выдающихся достижений разведки стоят судьбы конкретных людей, к большинству из которых никогда не придет всенародная слава. Впрочем, они и не ищут ее, считая главной наградой возможность служить Отечеству.

Среди получивших известность сотрудников нашей Службы немало людей с чрезвычайно развитыми способностями, выдающимся интеллектом и волей. Читать о каждом из них — подлинное удовольствие. Поэтому убежден в том, что книга Николая Михайловича Долгополова будет пользоваться успехом у самой широкой публики.

*Директор Службы
внешней разведки
Российской Федерации*

С. Е. Нарышкин

ОТ АВТОРА

Давайте разделим эту книгу о разведке на четыре части. Сначала представим Героев Советского Союза и России. Затем расскажем о святой святых разведки — ее нелегалах. В третьей части представим разведчиков, действовавших как под дипломатической крышей, так и под самыми разными обличьями. И завершим рассказами о наших бесценных иностранных агентах, которых в разведке называют «друзьями».

Не собираюсь утверждать, будто выбрал самых-самых. Нет. Но об Абеле — Фишере и Киме Филби, о Геворке Вартаняне и Надежде Троян в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей» вышли мои книги. Захотелось познакомить читателей и с другими героями. Разведчиков — вообще горсточка, но каждый из них совершил свое, неповторимое. И прекрасно, что в «Молодой гвардии» это осознают лучше, чем где-либо.

Наше сотрудничество с «МГ» длится, страшно сказать, больше сорока лет. А о разведке пишу с 1993 года. Рассказать есть о ком.

Я горжусь не только тем, что стал постоянным автором «Молодой гвардии», но и несколько иным: «Молодая гвардия» приняла меня в свои авторы. Будучи суеверен, я никогда не считаю, сколько книг написал, сколько переизданий вышло и какие премии автор и издательство за эти труды заработали. Не в том цель: да, это хорошо, но побочно, это находится вне пьедестала почета. Счастлив, горд, что не подвожу — пока, тьфу-тьфу, «МГ» в ее книжном отчете перед Читателем.

Его, моего родного, я, кажется, знаю. Не слишком молод. Со всем не богат. Одет скромно. Иногда иронично настроен, зато интеллигентен, образован. Прочитал сотни книг. И предложить ему еще одну, собственную, — это рискованная затея. Примет ли?

Выберет ли среди сотен, а теперь и тысяч других? Если книгу покупают, значит, общий язык найден. И твоя обязанность ответить на письмо отягощенного жизнью человека, потратившего полтыщи рублей на твое выстраданное творчество. Надо встречаться, фотографироваться, подписывать книги в любое время дня и ночи. Отвечать на вопросы. Потому что тебе и книгам твоим верят.

И снова о том, как привлечь друзей купить эту книгу. Когда я бываю на книжных ярмарках, мне порой делается, без шуток, дурно. Ведь в этой ярмарке можно запросто утонуть. Выбор величайший. И всегда среди победителей моя милая «Молодая гвардия». Как же хочется внести хоть частичку, хоть малую лепту в ее постоянный успех.

I

ГЕРОЕВ ИМ ПРИСВАИВАЮТ РЕДКО

ЗОРГЕ БЕЗ МИФОВ РИХАРД ЗОРГЕ

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, появился на свет в окрестностях Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я — русский до мозга костей», — признавался Зорге. И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигалья, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, — одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года

в Токио Зорге «советским шпионом». Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном, как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*), а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по Баку. Одна — на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая — на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кого считать разведчиком, а кого шпионом, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком научно-технической разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет весьма категорично: «Человек, который приносит пользу твоей родине, — всегда разведчик. Наносящий ей ущерб — шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге «попал» в Баку? История проста и документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого шведского промышленника Альфреда Нобеля, и придумавшего знаменитую ныне премию. Потом, поднакопив денег, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге — 22-летней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Несмотря на разницу в возрасте, Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, с которым жили в счастье и достатке. 4 октября

1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева-Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа... текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря 1-го Интернационала, друга и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался и похоронен в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнувшей кровью политики. В Баку семья вела существование сугубо мирное, ни с кем и ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизер-штрассе и прошло детство Рихарда или Ики, как его нежно называли вся родня и близкие знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азербайджане — единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то «бакинские» подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой войны якобы знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это — уж вряд ли. Если бакинская бабушка и поддерживала связи с родственниками Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего.

Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие сородичи Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее — в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет.

По-моему, домыслы о родственниках-чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, — жизнь) марксизму. Так что все это — мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это же здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя — только России — атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение — на встречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь — не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и их российские вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917 году в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, Рихарду поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию в составе официальных делегаций. Охрана, обеспеченная компартией, ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться и советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился

бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924 году, получив советское гражданство и новые документы на имя некоего Зоннера.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи, но почти все под своим настоящим именем — в коммунистической прессе, и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, мог бы печататься хотя бы под псевдонимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что, именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и не понятно, как удалось Зорге с начала 1930-х годов избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно десяток лет работал вдали от Третьего рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительно раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь был и арест в 1920-м, и членство в германской компартии. А множество брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе.

Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой «Кембриджской пятерки» юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. Но как не попал в гестаповскую картотеку сверхподозрительный Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе — вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этой неуязвимости лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было так велико, что в головах (и умных тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение закрасться

никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И они верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это — тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам новичок. Да, в ту пору настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его уже официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Вяяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создавалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе была чопорная, до боли знакомая Европа. Больше притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай — там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай.

И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее руководитель сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. Но только на эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема — «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) знавший английский и хорошо на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий — Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».

Чем же занимался Рихард в Китае? Вместе с Берзиным они определили список наиболее важных задач. Первая — определить и дать характеристику социальной, а также внешней и внутренней политической деятельности нанкинского правительства и отдельных его фракций. Далее — выявить военный потенциал чанкайшистов. Получить сведения об оснащении армии — не только сил Чан Кайши, но и многочисленных военных клик, то появлявшихся, то исчезающих на внутривосточной арене Китая. Понять, какую стратегию избрали для себя

в этом регионе США и Англия. Определить, на что способны иностранные державы в этой стране и какова их мощь.

Считается, что если 70 процентов из намеченного разведчику удается, то его миссия выполнена успешно. Справился со сложнейшими задачами и Зорге. За два года в Центр было передано около шести сотен донесений. О их важности свидетельствует другая красноречивая цифра: 250 из них легли на стол товарища Сталина.

Наиболее ценный документ из всего присланного, конечно, копия «Антикоминтерновского пакта». Она попала в Москву еще раньше, чем ее получил в Италии сам участник фашистской оси Бенито Муссолини.

И это несмотря на то, что почти сразу же, как и каждый иностранец, Рихард попал под колпак спецслужб. Вот документ из архива полиции Шанхая: «С июля 1931-го по январь 1932-го Зорге находился под наблюдением полиции. Проверяли его абонментный ящик 1062. Следили за квартирой. Было установлено: “Из дома выходит редко. Свободное время проводит, играя в шахматы со знакомыми”».

Надо заметить, что Рихард явно перехитрил службу наружного наблюдения (наружку. — *Н. Д.*). «Из дома выходит редко»... А Зорге изъездил весь Китай, преодолев 10 тысяч километров по трудным его дорогам. «Время проводит, играя в шахматы»... Но именно в Китае он как следует сработался с радистом Максом Клаузенем, прибывшим в Шанхай в декабре 1929 года.

Как быстро все произошло! В 1928-м коммунист Клаузен приезжает в Москву. Сбывается его давнишняя мечта: он будет работать и жить в стране, строящей социализм. Но у разведки были на Макса свои виды. Ему предложили пойти на курсы радистов, которые он, проявив завидные способности, закончил через год. И сразу командировка в Шанхай, где легко сходящийся с людьми улыбчивый немец занялся коммерцией.

Случайно познакомился с женщиной, жившей по соседству. Ее звали Анной. Красивая и спокойная русская после некоторых настойчивых предложений, нет, еще не руки и сердца, а всего лишь поменяться снимаемыми комнатами, согласилась с чудачком немцем. Тот почему-то хотел жить только на неудобном

чердаке, а ей отдавал свою гораздо более удобную квартирку этажом ниже. Тогда Анна еще не знала, что на чердаке радиостанция ее будущего мужа работает почти безукоризненно, а этажом ниже много помех. Знакомство переросло в дружбу, а дружба завершилась замужеством. Согласие на брак дали Клаузену — помимо невесты — сначала резидент Зорге, а потом и Центр.

Долго скрывать от Анны, кем он на самом деле является, «коммерсанту» Максу не удалось. Обстоятельства не позволяли продолжать игру в молчанку с собственной женой. Правда, сначала объяснения мужа в том, что он специалист по радиосвязи, успокоили Анну. Но почему такие частые отлучки? Зачем перевозить — и тайно — рацию с места на место? В конце концов Клаузен был вынужден признаться. Жена поняла и приняла.

И уже скоро, переезжая через границу, хладнокровно выдержала одно из первых испытаний. Таможенник увидел здоровенный ящик с рацией. Но открывать его было так долго и мучительно, что он попытался взять молодую женщину на испуг. Потребовал, чтобы та под клятвой призналась, что в деревянном коробе. И Анна без сомнений выдала: «Посуда. Только тщательно упакованная посуда. Будете открывать? Если перебьете, придется вам и расплатиться». Рация благополучно пересекла границу, а Центр больше не сомневался: приобретен хладнокровный и надежный помощник. Кстати, подобной выдержки, демонстрируемой в тяжелейшие моменты, не всегда хватало самому Максу.

Вернувшегося после Шанхая в СССР Клаузена почему-то послали в степной городок в Саратовской области. Выглядело весьма странно. В голову лезли всякие мысли: то ли трудовое воспитание-перевоспитание, то ли недоверие. Жена Анна осталась в Москве, а Макс научился управлять трактором. Для поддержания профессиональной формы открыл для местных школу радиостов-любителей. Его отметили грамотой, портрет ударника труда — немца повесили на Доске почета.

Тут в Центр и пришла телеграмма из Токио, где уже работал резидент Рамзай. Зорге признавался, есть тому и документальные подтверждения, что был готов остаться в Китае хоть на всю жизнь, так ему в огромной стране нравилось. Но политическая обстановка изменилась. Глобальные угрозы исходили уже из

Японии, куда в интересах дела и должен был отправиться резидент. Еще в Шанхае он увлекся изучением японской культуры, политики и всего того, что имело хоть малейшее отношение к загадочной державе, в которой любой разведке в ту пору работать было чрезвычайно сложно, однако необходимо.

Зорге просил прислать ему в Токио в качестве радиста только Клаузена, с которым он так слаженно работал в Шанхае. И резиденту Рамзаю (это оперативное имя придумал для Рихарда сам начальник военной разведки Берзин) не отказали.

Судьба Макса снова дала крутой поворот. Одного из лучших радистов советской разведки, выше него ставили только Вильяма Фишера (будущего полковника Рудольфа Абеля), ждала большая работа.

Интересно было бы узнать, пересекались ли в Шанхае, да и вообще в Китае, пути Макса Клаузена и другого мастера этой профессии — настоящего Рудольфа Иоганновича (Ивановича) Абеля, тоже работавшего в те годы в этой же части огромной страны под крышей консульства. Правда, последнее обстоятельство делает пересечение едва ли возможным, ибо легальная разведка старалась никак не соприкоснуться с нелегальной, чтобы, не дай бог, не подвести, не поставить нелегалов под угрозу.

Содружество Зорге с Клаузеном еще в Китае переросло в дружбу и полное взаимопонимание, что так помогло им через несколько лет в Японии, куда Макс Клаузен прибыл специально для работы с группой Рамзая. Анна присоединилась к мужу позднее, когда Макс сумел легализоваться в закрытой для иностранцев стране. Анну все принимали за немку. В немецком клубе она устраивала благотворительные вечера и организовывала всяческие праздники, а дома помогала мужу. Когда тот работал на радиостанции, выходила гулять с собакой. Появлялся рядом кто-то посторонний, и Анна возвращалась домой, чтобы предупредить мужа.

Иногда Анне Клаузен приходилось уезжать в опасные командировки. Возила неведомые ей документы, отснятые на пленках, в разные города. Держалась естественно, уверенно, ни разу не вызвала подозрений у таможенников и пограничников.

Свой основной источник разведывательной информации — японского журналиста Ходзумы Одзаки — Зорге приобрел еще

в 1930 году в Шанхае, где Одзаки с июня 1928 года трудился собственным корреспондентом «Осака Асахи». Случайность? Ничего подобного. Разведчик моментально выделил молодого японца из множества аккредитованных в Китае коллег. Тот не отличался задиристостью, не предсказывал, как некоторые его соотечественники, что Япония вместе с Германией станет владычицей мира. Наоборот, осторожно намекал: милитаристские настроения, ставка на экспансию способны погубить Японию. Одзаки очень помог Зорге еще в самом начале их знакомства. Это о нем Зорге писал: «Он был моим первым и наиболее ценным помощником. Одзаки добывал самую полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же я близко подружился с ним».

Они поняли друг друга. И это понимание переросло в тесное сотрудничество между немцем и японцем во благо Страны Советов. Именно Одзаки предупредил Зорге: продажные китайские генералы договорились отдать Маньчжурию японцам. На это предупреждение в Москве среагировали мгновенно.

Забегая вперед заметим, что в Японии Зорге постарался побыстрее отыскать Одзаки. Это удалось сделать через связника — югославского журналиста Бранко Вукелича. Тот представлял в Токио несколько французских изданий и, заглянув весной 1934 года в редакцию «Осака Асахи», не вызвал никаких подозрений.

Одзаки искренне удивился, узнав, что Зорге в Токио. Вернувшись домой из Китая, он был уверен: его друг Рихард по-прежнему в Шанхае. Вскоре они встретились в тенистом парке маленького городка. Зорге не пришлось уговаривать Ходзуми. Он сразу согласился продолжить совместную работу.

Вернемся ненадолго в Шанхай, где далеко не всё складывалось так, как хотелось. Тут можно сетовать на то, что, отправляясь в Китай, Зорге не прошел практически никакой специальной подготовки. Разведчик учился на ходу.

Активно занимался вербовкой. Правда, этот разведывательный термин вряд ли подходит для объяснений действий Зорге. Он, скорее, старался приобретать не агентов, а друзей, способных помочь ему и Советскому Союзу. Метод убеждения был наиболее предпочтителен для Рамзая. Возможно, именно отно-

шения полного взаимопонимания и дружбы между резидентом и его помощниками так долго спасали их от провала.

Ну как, например, можно было подкупить американскую журналистку Агнес Смедли, автора всемирно знаменитых бестселлеров. Рамзай привлек ее идеями, которые та разделяла. И в ответ Смедли, обладавшая огромным количеством самых разнообразных связей, знакомила его с людьми, определявшими политику в важнейшем регионе Азии. И, внимание, именно Агнес свела Зорге с Одзаки. Но можно ли называть писательницу разведчицей? Возможно, хотя и с натяжкой. А вот другом Зорге — точно. Смедли оказывала ряд услуг советской разведке и после окончания Второй мировой войны.

Другая сотрудница резидентуры Рамзая — Рут Кучински-Вернер вошла в историю разведки под псевдонимом «Соня». С ней Зорге тоже познакомился в Шанхае, где и началось ее многолетнее сотрудничество с советскими спецслужбами. В годы Второй мировой войны помогала знаменитому резиденту «Дора», он же Шандор Радо, добывать и переправлять ценнейшую информацию из Швейцарии в Москву. В послевоенные времена занималась атомной разведкой. «Соня» тихо скончалась уже в XXI веке в Лондоне, так и не раскрыв всех своих секретов.

Зорге фактически ни разу не дал повода для подозрений и благополучно уехал из Китая. Забегая далеко вперед напишу, что в обвинительном заключении Зорге, подготовленном японской политической полицией после его ареста в Токио, фигурировали лишь несколько человек, работавших с ним в Шанхае. Причем вина их не была никем и никак подтверждена.

Под предпоследним номером 19-м в обвинительном заключении упоминается одной строкой «“Пауль” — Римм Карл, в 1930 г. заместитель и военный консультант Р. Зорге в Китае». Расшифруем то, о чем не знали японцы. Речь идет о кадровом сотруднике военной разведки, полковнике Карле Мартыновиче Римме, который был помощником Зорге. После отзыва Рихарда на родину для последующей командировки в Японию работал в Китае еще с несколькими резидентами. Вернувшись в СССР, возглавил отделение 2-го Восточного отдела военной разведки. Судьба, как и со многими разведчиками тех лет, обошлась с ним

жестоко. В декабре 1937 года Карл Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957-м. А в 1965-м награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

А последний 20-й номер в обвинительном заключении, где приводится полный состав группы Рамзая, — Агнес Смедли. О ее роли японцы могли только догадываться.

Все же японцы добрались до некоторых своих соотечественников, связь с которыми Зорге установил еще в Китае. Так, журналист Кавамура Иосио был арестован, как и многие члены группы Рамзая, в 1941 году. Затем осужден и в 1942-м скончался, как указано в «Трофейных японских документах, касающихся деятельности Рихарда Зорге и его группы», от последствий тюремного заключения.

Работа в Шанхае послужила Зорге отличной подготовкой для еще более тяжелого и результативного пребывания в Японии.

В 1930-х годах эта страна осуществила агрессию против Китая. Оккупировала часть его территории. Создалась серьезная угроза и советскому Дальнему Востоку. Зорге предвидел развитие событий в таком направлении, сообщая в Москву о все нарастающей угрозе со стороны японцев.

Еще в 1932 году в Китае Зорге сделал безошибочный прогноз о попытках США усилить свое влияние в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем США займут место Великобритании, как господствующая держава на Тихом океане», — радировал он в Центр из Шанхая. Вот уж действительно удивительнейший дар предвидения.

Был еще один важный момент работы Рихарда Зорге в Шанхае, на который обращаю внимание. Он сумел постоянно получать отчеты немецких военных советников, оценивавших состояние противоборствовавших в Китае внутренних и иностранных вооруженных сил. Умение добыть и проанализировать такие отчеты немецкого руководства стало отличительной чертой его деятельности и в Токио.

С 15 февраля 1932 года и по октябрь 1941 года Рихард Зорге был резидентом советской военной разведки в Японии. И рядом с ним трудились преданные, проверенные помощники — жур-

налисты Ходзуми Одзаки и Бранко Вукелич, радист Макс Клаузен с женой Анной.

Порой Зорге изображается человеком, словно выкованным из железа. Никаких личных забот, душевных переживаний. Как все это непохоже на правду. Больше всего он мечтал увидеть свою жену Катю. Да, в его жизни было немало женщин, но любовь всегда оставалась только одна. Понимал, что разлука с женой — навсегда. Но вопреки всему верил, что они еще встретятся. Писал ей: «Надеюсь, что наступит время, когда это станет возможно». Самообман? Самовнушение? Похоже. Но только так можно было заглушить тоску по любимой женщине.

Он грустил о матери. Разойдясь во взглядах с братом Германом, все равно задумывался и о нем. Что будет, если в Японии его, Рихарда, арестуют? Зорге осознавал, что тогда родственники в Германии обречены. А вот жесткую травлю в СССР жены Кати, ее арест и трагическую гибель он при всей своей прозорливости вряд ли предвидел.

От себя с горечью добавлю, что испытания, выпавшие на долю жены Зорге — Екатерины Максимовой, ни с чем не сравнимы. Величайшая несправедливость — погибнуть, по существу, быть замученной своими же. Не удалось отыскать ни единого свидетельства того, что Зорге каким-то образом узнал о трагедии Кати. Они так и ушли из этого жестокого мира, любя и веря друг в друга.

Сама мысль о ждущей его любимой женщине придавала сил Зорге. А они ему были нужны. Именно в Японии Рамзай понял, что способен не только получать ценнейшую информацию, но и оказывать влияние на развитие некоторых важных политических событий.

Спас Москву и СССР

Говоря о Зорге, мы все теперь с неоспоримым единодушием отдаем должное двум великим подвигам, им совершенным. А вот о третьем, на мой взгляд, не менее важном, почему-то не вспоминаем. Давайте же попробуем разобраться в том, чего добился Рамзай в Японии.

Подвиг № 1. Назвал точную дату нападения фашистской Германии на СССР

Начнем с очевидного, многократно описанного, а потому проторенного и пройденного. Именно Зорге в радиосообщении, переданном радистом Максом Клаузеном, уведомил Центр о безукоризненно точной дате начала войны. Однако в Москве его информацию восприняли скептически.

А между тем первая радиограмма о неизбежной войне с Германией пришла из Токио еще 18 ноября 1940 года. Зорге тогда удалось узнать от специального посланника Гитлера, захватившего с инспекцией в Токио, что все приготовления к вторжению в Британию — фикция. Германия не собирается воевать на два фронта. Фюрер решил бросить основные силы на уничтожение СССР.

Прошло немногим больше месяца, и Зорге передает конкретное уточнение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер собирается оккупировать территорию Советского Союза по линии Харьков — Москва — Ленинград». А все дивизии, которые демонстрируют, всего лишь демонстрируют, намерения вторгнуться в Британию, не достигают даже полной численности. Часть солдат и техники уже переброшены на Восток».

Хотя Сталин постоянно читал донесения Зорге, разведчика он недолюбливал. То, что сообщал резидент военной разведки Рамзай, никак не вязалось с его собственными представлениями о возможном развитии событий. Иосиф Виссарионович был уверен, что заключивший Пакт о ненападении Гитлер не решится перечить ему, вождю всех народов Сталину, и не нападет на СССР. Это был глубочайший стратегический просчет, вызванный самоуверенностью, явной недооценкой силы противника. Подумаешь, какой-то резидентиска раз за разом передает телеграммы, от которых трясет всю разведку. Что значили они по сравнению с его гениальными предначертаниями.

Но Зорге был абсолютно уверен в надежности своих источников информации. Среди них — посол Германии в Японии Ойгер Отт, военный и морской атташе посольства и постоянно

наезжавшие из Берлина в Токио высокопоставленные гитлеровские эмиссары. Среди них и нанесший визит в Токио фельдмаршал фон Бок. Именно тот самый, что после нападения Германии на СССР командовал на Восточном фронте группой армий «Центр». За рюмкой он много чего нарасказал миляге журналисту.

Можно сказать, что сотрудники посольства Третьего рейха в Токио как могли помогали советской разведке, сообщая все, что только могло заинтересовать Зорге.

Конечно, немцы, как требовали того законы разведки, постоянно блефовали: то подбрасывали через своих военных сведения о различных датах начала военных действий, то вообще отрицали любые намерения Гитлера напасть на СССР. Рихард учитывал это и всегда проверял достоверность информации через другие источники: в друзьях у него были англичане, китайцы, американцы...

Да, время шло, в процессе подготовки к вторжению планы Гитлера менялись. Зорге, не поддаваясь на дезинформацию, отсекая все подброшенное, неправдоподобное, следя из Японии за каждым сделанным в рейхе шагом, держал Москву в курсе событий. Чтобы оценить добросовестность Зорге в оценке и проверке поступавшей информации, достаточно проследить за последовательностью его действий.

Так, в марте 1941 года после душевной беседы с новым атташе ВМС Германии Зорге дает Москве знать: фашисты могут начать войну сразу же после победы над Англией.

Но уже 11 апреля — новый сигнал о том, что немецкий Генеральный штаб, не дожидаясь завершения английской кампании, закончил подготовку к нападению на СССР. И в этом же месяце — подтверждение с описанием действий близких к Гитлеру генералов.

Вскоре Зорге навел посла Отта на мысль осведомиться у Риббентропа о стратегических планах Германии — в интересах проведения более решительной политической линии в переговорах с Японией. Ответ был конкретен — война с СССР начнется в мае.

Затем, когда обстановка около действительно туманного Альбиона изменилась, посол Отт в конфиденциальной беседе

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru